

Георгий Азановский

Сатурналии
последнего
тысячелетия

Георгий Азановский

**Сатурналии последнего
тысячелетия**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Азановский Г.

Сатурналии последнего тысячелетия / Г. Азановский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Четвертое тысячелетие нашей эры. Огромная армия Римской империи завоевала и подчинила себе весь мир. Никто не может противостоять силе захватчиков. Только небольшая армия людей, живущих в далеких северных землях, решает бросить вызов самому римскому императору.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Глава I.

Красное зарево сияло над обломками некогда красивого и густонаселенного города – Крида.

Теперь этот некогда прекрасный и сияющий оазис человеческой культуры посреди бескрайних диких полей превратился в большую грудку каменных обломков.

На земле, посреди обломков и сломанного оружия, еще лежали полуживые, истекающие кровью, бывшие жители Крида. Однако и раненым храбрым воинам жить оставалось недолго. Солдаты-победители горделиво прохаживались посреди изрубленных тел своих врагов и ловко добивали мечом еще дышавших людей. После того, как жертва переставала подавать какие-либо признаки жизни, солдаты снимали с нее амуницию, украшения, вырезали острыми клинками золотые зубы изо рта и оставляли изуродованное тело в покое.

Кроме восторженных возгласов победителей и стонов умирающих мужчин посреди руин Крида раздавались бесчисленные женские рыдания и причитания.

Это рыдали жены, дочери, матери и сестры убиенных. Своими неустанными стенаниями, криками и воплями ужаса они не только оплакивали своих погибших мужчин, но и исполняли своеобразный похоронный реквием по своему любимому, некогда прекрасному городу.

Однако женские слезы отчаянья бывших жительниц разрушенного города Крида никак не задевали совесть и честь горделивых победителей. Таких побед и таких разрушенных городов на их счету было тысячи. Солдаты-триумфаторы лишь с презрением и ухмылкой смотрели на прекрасных жительниц Крида, которым очень скоро предстояло отправиться в самый главный и величественный город Европы, для того чтобы навечно стать там рабынями богатых господ.

В небольшом отдалении от руин города, на высоком холме, с высоты которого совсем недавно молодежь и влюбленные пары любили созерцать свой любимый, ярко освещенный вечерними огнями Крид, стояла небольшая группа людей. В центре компании находился некий высокий и статный мужчина в длинном красном плаще. Его фигура казалась еще более величественной и грозной из-за того, что он восседал на большом белом коне. Голову мужчины украшал массивный защитный шлем, изготовленный из блестящего в лучах огненного зарева золота.

Сквозь длинный и толстый плащ всадника проглядывались бронированные доспехи, которые защищали его тело от коварного острия ножей и других опасных орудий.

Мужчина крепко сжимал своими руками вожжи, которыми управлял своим белоснежным конем, и с нескрываемым удовлетворением наблюдал, как догорают руины непокорного Крида.

– Ну вот Серторий, очередная цитадель мятежников пала! – восторженно сказал величественный всадник стоящему неподалеку от него мужчине в форме легионера. – Я же говорил тебе, что ни одна сила, пусть даже самая храбрая, в этом смертном мире не может противостоять моему тактическому и военному гению!

– Это воистину так, великий Гней! – Радостно закивав головой прокричал собеседник всадника. – Господин никогда не узнает – что такое поражение!

Всадник горделиво усмехнулся в ответ и еще раз окинул своим взглядом разрушенный Крид.

– Ну ладно! – прокричал всадник. – Прикажи солдатам сковать цепями пленников и отвести их в наш лагерь, затем раздай нашим храбрым войнам двойное жалование и побольше вина, убитых похоронить с честью!

Отдав такие распоряжения, всадник потянул за вожжи и его конь послушно и не спеша тронулся с места. Всадник и еще несколько воинов, стоявших вместе с ним на высоком холме, стали спускаться вниз. На возвышенности остался только собеседник всадника. Мужчина внимательно проводил взглядом уходящих и вновь повернулся в сторону разрушенного города, простиравшегося внизу на равнине.

Тем временем внизу, возле руин города, разворачивалась страшная и душераздирающая драма. Победители закончили с грабежом и убийствами и принялись исполнять приказы своего начальства. Выживших женщин Крида собрали в одном месте, там, где некогда возвышалась триумфальная арка служившая воротами в город. На испуганных и растерянных пленниц солдаты в страшной черной броне стали насильно надевать тяжелые металлические оковы. Тех, кто пытался вырваться, жестоко избивали, валили на землю, а затем заковывали руки и ноги несчастных в кандалы.

– Что... что вы с нами делаете?! – истошно кричали женщины, умоляя безжалостных тиранов отпустить их.

Однако ни слезы, ни рыдания не могли подействовать на жестоких тиранов и вскоре все пленницы оказались в одной длинной шеренге, скованной одной цепью.

Солдаты расступились, пропуская на пустырь, где стояли плененные женщины нечто черное, большое, испускавшее клубы густого смолистого дыма.

При виде неведомого чудовища масса женщин подняла истошный крик. Некоторые, особенно молодые и пожилые пленницы, упали в обморок.

Черный металлический монстр оказался некой неведомой машиной, которую никогда не видели жители Крида.

Пока страшный механизм издавал ужасающие металлические звуки, а из его труб вырывались клубы черного дыма, один из солдат поднял с земли крюк, которым оканчивалась длинная цепь, сковавшая пленниц, и прицепил его к механическому монстру. После этого машина не спеша тронулась с места, потащив за собой цепь и всех окованных ею женщин.

Красные плащи и металлические шлемы солдат, вершины которых были украшены ярко-красным гребнем, мелькали среди городских развалин, трупов убитых противников и сломанного оружия. Победители искали оставшиеся трофеи, драгоценности и золото. Но многих из них ждало разочарование. Все ценные трофеи уже были присвоены офицерами и солдатами из передовых отрядов.

Высокий и толстоватый военачальник в белом плаще и очень большом защитном шлеме стоял посреди руин, гордо осматривая поле боя. Он наблюдал, как его солдаты выселяться и празднуют победу.

– Центурион, ко мне! – громко прокричал военачальник, махнув при этом рукой, подзывая ею другого офицера.

– Слушаю вас, легат Амидий, – сказал подбежавший к военачальнику невысокого роста воин, в измятых и поцарапанных в бою доспехах.

Старший офицер громко собрал слюну во рту и с удовольствием плюнул на землю. После этого он вытер рукой свой рот и недовольным взглядом посмотрел на младшего по званию войну.

– Прикажи всем собираться и готовиться к походу, – уставшим голосом сказал легат. – Наш легион отправляется домой, но прежде мы должны явиться в столицу и принять там участие в торжественном триумфе.

– Слушаю вас, легат Амидий! – громко отчеканил офицер, и вскинул свою руку в торжественном приветствии перед легатом.

После этого центурион приказал своим солдатам строиться в колонны и маршировать в военный лагерь.

Спустя немного времени развалины несчастного города Крида навсегда опустели. На месте когда-то процветающего города остались только холодные голые стены разрушенных домов и дворцов. Имущество города было разворовано, жители убиты или уведены в рабство, а вековая история и традиции жителей Криды были навсегда стерты из истории жестокой рукой завоевателей.

***

Юный Гай Марк находился в своей специальной палатке в военном лагере римской армии.

Юноша раскинулся в удобном дубовом кресле и просматривал бесчисленные карты с военными действиями самой великой армии на свете.

Внезапно снаружи палатки раздался чей-то негромкий кашель и в палатку не спеша вошел мужчина среднего возраста и с приятным лицом. Он, как и все в лагере, был одет в военную форму. Однако выражение его лица говорило о том, что его призвание вовсе не военное дело, а, скорее, политические дискуссии или написание литературных шедевров. У мужчины на голове были густые, хоть и с небольшой проседью, аккуратно подстриженные черные волосы. Строение его лица было идеальным – длинный, но красивый и прямой нос, внимательный и очень умный взгляд, высокий лоб и тщательно выбритые подбородок и щеки.

Войдя в просторную палатку, мужчина еще раз покашлял, чтобы привлечь внимание к своей персоне.

Услышав посторонний звук, Гай Марк оторвал свой взгляд от военных карт и посмотрел на вошедшего человека.

Увидев, кто перед ним стоит, юноша приветливо улыбнулся и встал с места.

Требиус, дружище! – радостно воскликнул Гай Марк, подходя к своему другу и обнимая его за плечи. – Ты и на поле брани меня не бросаешь?

Мужчина приятно улыбнулся юноше в ответ.

– Приветствую тебя, юный Гай Марк, – ответил вошедший, обнявшись и пожав юноше руку.

Гай Марк пригласил мужчину сесть за небольшой стол, стоявший посреди его палатки. Он одним движением руки раздвинул все лежавшие на нем карты и военные документы.

– Вина? – заботливо спросил Гай Марк у своего гостя, когда тот уселся за стол.

Мужчина сделал одобрителный жест рукой.

Гай Марк быстро налил в небольшой металлический кубок холодного вина и подал его гостю.

Когда гость осушил кубок с вином до дна, он с удовольствием вздохнул и откинулся на спинку удобного кресла.

– Я приехал сюда, мой дорогой друг, чтобы объявить тебе одну очень важную новость, – сказал гость. – Наш великий император, и твой отец, Гай Август Несокрушимый Сертор, решил, что настало время тебе вернуться в столицу.

Гай Марк удивленно взглянул на своего гостя.

– Ты имеешь в виду вернуться домой, в ...

– Все верно. – Перебил Гая его неожиданный гость, – император решил, что время твоих военных учений прошло.

Гай Марк сел за стол напротив своего гостя. Его лицо выражало разочарование.

– Но я не хочу возвращаться в Рим, Требиус... – расстроенным голосом проговорил юноша. – Мне нравится участвовать в походах, смотреть на разные страны и участвовать в сражениях с непокорными варварами.

Гай умоляющим взглядом посмотрел на своего собеседника.

– Ты можешь избавить меня от возвращения в Рим, Требиус? – с надеждой в голосе спросил юноша. – Я не желаю больше видеть этот напыщенный, развратный, жестокий и глупый город...

– Стоп, остановись! – Требиус поднял правую руку вверх, призывая юношу замолчать. – Я знаю Гай, ты очень вспыльчивый и отважный человек, но даже сыну императора не положено так говорить о столице мира, о нашем общем отце, отце всех свободных людей – Риме.

Гай Марк вскочил с места и быстрым шагом стал ходить из стороны в сторону.

– Я не хочу туда возвращаться! – остановившись прокричал он, простирая руки к Требиусу, как будто пытаясь донести до него все сокровенные мысли из своей головы.

– Рим – не для меня! – еще сильнее закричал Гай. – Я хочу быть простым воином, а не императором!

Услышав крик из императорской палатки, стражник, охранявший персону Гая Марка, резко ворвался в палатку с мечом наперевес.

Требиус резко махнул рукой войну, давая тому понять, что с юношей все в порядке и что ему нужно удалиться.

Как только стражник покинул палатку, Требиус поднялся со своего удобного кресла и подошел к расстроенному Гаю Марку. Он встал рядом с юношей и осторожно положил ему на плечо свою руку.

– Каждый из нас, великий Гай, не в силах выбирать свою судьбу, ее решают боги, – тихо сказал он. – Кому-то было суждено родиться рабом, кому-то храбрым воином, а кому-то мудрые боги предназначали стать великим императором.

Гай ничего не ответил.

– Каждый из нас должен выполнять то, что ему предназначено, – продолжал говорить Требиус. – Раб работает не покладая рук, войны и генералы защищают нашу империю, а вам выпала великая честь стать императором Римской империи.

Гай Марк негромко вздохнул.

– Но я не хочу, я не готов к этому, Требиус, – с отчаяньем выговорил он.

– Твой отец тоже не был готов, когда возглавил империю! – резко вскричал Требиус, недовольно взирая на стенания молодого императора. – Тем не менее, ты должен, не гневи своего отца и богов!

У широкого выхода из палатки промелькнула чья-то тень. Вероятно, беспокойный охранник снова решил, что его подопечному угрожает опасность и приблизился к входу в палатку, стараясь услышать, что происходит внутри.

Гай Марк продолжал стоять молча, отвернувшись от Требиуса.

– Ну, довольно, достаточно, – спокойным тоном сказал мужчина, снова садясь в уютное кресло. – Я не хотел расстраивать тебя, и терзать твою душу, я просто должен доставить тебя обратно в Рим.

– Столица империи ждет тебя Гай, – улыбнувшись сказал Требиус, приглашая Гая Марка сесть с ним за стол.

Немного успокоившись Гай подошел к Требиусу и сел с ним за стол.

– Налей мне еще вина, и расскажи о своих военных успехах, – сказал Требиус, поудобнее устраиваясь в широком кресле. – Как я вижу, наша армия сокрушила очередной оплот проклятых варваров.

Гай Марк кивнул головой, наливая своему гостю полный кубок вина.

– Это было нелегко, мой дорогой Требиус, – быстро сказал Гай. – Этот проклятый Крид мы осаждали почти два месяца, нам пришлось применить огнеметы и стенодробительные машины, чтобы сокрушить их оборону.

– Никто не может превзойти мощь римского оружия, – удовлетворенно сказал Требиус. – Эти варвары со своими никчемными стрелами и копьями беспомощны перед нашей армией как дети.

– Это действительно так Требиус! – радостно воскликнул Гай Марк. – А видел бы ты, как наши «*fugiens apparatus*» сбрасывали на их дома и крепости мощные бомбы, от их построек после этого совершенно ничего не оставалось.

– Да! – восхищенно воскликнул Требиус, отпивая вина из своего кубка, наши летающие машины, словно боги с небес, сбрасывают на голову этих мерзких дикарей благородный и справедливый огонь за их непослушание.

– Поверь мне Гай Марк, после того, как ты станешь императором, у тебя будет возможность командовать не двумя легионами римских солдат, а целыми армиями, – стараясь выговорить каждое слово как можно величественнее, произнес Требиус. – Представь себе, – целыми железными армиями несокрушимых римлян!

Гай Марк ничего не произнес в ответ. Он не спеша отпил вина из своего кубка и поставил его на стол.

– Когда мы едем в Рим? – спросил Гай у Требиуса.

Требиус довольно улыбнулся ему в ответ.

– Завтра мой дорогой друг, – сказал он. – Завтра мы покинем этот лагерь, а через несколько дней ты будешь уже дома, в столице мира.

– Пожалуйста, прекрати, – уставшим голосом произнес юноша в ответ.

– Что прекратить? – удивившись, спросил Требиус.

– Прекрати восхвалять Рим в каждом своем предложении, – ответил ему Гай. – Меня это раздражает.

– Но Рим достоин, чтобы его без конца восхваляли! – воскликнул Требиус, поднимая над головой свой кубок с вином. – Я готов снова и снова пить за величие Рима!

Юноша устало вздохнул.

– Пожалуйста, Требиус, если ты не возражаешь, можно я лягу спать? – сказал Гай. – Раз нам завтра отправляться в дорогу, я бы хотел выспаться.

Требиус учтиво закивал головой и поставил свой опустевший кубок на стол. Он быстро поднялся со своего кресла и потрепал юношу по плечу.

– Конечно, мой юный император, твой сон важен и для тебя и для твоих будущих подданных, – сказал он. – Я вернусь в твою палатку завтра утром, и мы отправимся в путь, наша армия выдвигается вместе с нами.

– Конечно, мои войны заслужили пышный триумф в Риме, – ответил Гай Марк, устраиваясь спать на удобной кушетке, расположенной в углу палатки. – Грандиозный праздник в столице в их честь, порадует воинов больше, чем щедрое денежное вознаграждение за этот поход.

Требиус кивнул на прощание головой и не спеша вышел из палатки будущего императора Римской империи.

***

Юное и горячее сердце Гая Марка не билось быстрее от предвкушения скорой радости из-за возвращения домой.

Когда-то, будучи маленьким мальчиком, он с огромной радостью возвращался в роскошный и цветущий город Рим, сердце великой всемирной империи. Тогда, в годы отрочества, его отец, император Сертор, брал юного Гая с собой в непродолжительные походы. Отец хотел показать юному Гаю его империю, управление которой уже много десятков веков переходило от одного императора к другому. Гай вместе с отцом посещал знаменитые римские провинции: Грецию, Алкиду, Египет, Францию, Большую Галлию, Китай, Азию. В этих местах располагались цветущие и богатые земли, а посреди прерий и виноградников возвышались величественные города и крепости. Много великих чудес юный Гай Марк увидел в годы своего малолетнего странствования с отцом. Удивительные механизмы, ткацкие станки, паровые машины, летательные аппараты, фейерверки, красочные памятники и дворцы, невиданные животные и разные достижения человеческой мысли и творчества. Живопись, скульптура, театр, музыка, произведения литературы – все это принадлежало всем и никому.

Невидимая рука вечного Рима простиралась над всеми этими городами и странами, людьми разного происхождения, с разными языками и диалектами, произведениями искусства и науки. Ни кто в этом мире не имел полной свободы. Вот уже почти три тысячелетия Вечный город властвовал на всех континентах и подчинял себе все народы мира. У римлян было то, чем не обладали другие народы – неумолимое желание властвовать и подчинять, господствовать и богатеть. Ничто и никто не мог сокрушить империю в дни ее наибольшего расцвета. Один народ за другим уступал и терпел поражение перед могущественной армией Рима. Военная

машина империи все более совершенствовалась, оснащалась новым оружием. На смену примитивным лукам и стрелам, мечам и копьям, пришли механические арбалеты, способные пробивать даже самую крепкую сталь, стальные гиганты-тараны, оснащенные паровым двигателем и запросто уничтожавшие любые стены и баррикады. А римские солдаты получали сверхсильные латы из непробиваемой стали. Пробить их защиту не могли даже мастерски заточенные копья и мечи. Но еще большую известность римской пехоте принесли невиданные ранее никем большие орудия, стрелявшие огромными железными ядрами.

И вот, под натиском все этой мощи, перед римскими легионерами открывались врата самых больших и красивых городов. Ничто и никто не мог устоять перед чудовищной силой военной машины римлян. Страх охватывал любого противника, стоило ему лишь узреть стройные металлические колонны, состоявшие из римских солдат. Эти колонны внезапно появлялись на горизонте, и словно большая лава из холодного и острого металла стремительно двигались на вражескую крепость. Ничто, ни крепкие стены, ни щиты отчаявшихся противников, ни их стенания и мольбы не могли остановить эту силу. Самые укрепленные и хорошо защищенные города, пусть они даже были окружены скалами и бесконечными рвами, не могли остаться не захваченными римлянами.

В памяти Гая Марка мелькали названия городов, покоренных его народом. Их было бесчисленное множество.

Гай Марк с малолетства стал самоотверженным поклонником римской военной тактики, ревностным ценителем военных достижений его любимой империи, а также добропорядочным наследником императорского титула. Он искренне хотел стать настоящим императором, которым бы восхищался и которого бы боготворил римский народ.

Только одно обстоятельство смущало и вызывало отвращение у юного Гая. Это его любимый народ.

Чем больше народов подчинял себе Рим, чем больше несокрушимых крепостей молниеносным штурмом захватывали римские легионеры, чем дальше простиралась власть Вечного города, тем больше менялся римский народ. И эти изменения вовсе не нравились юному Гаю Марку.

Еще маленьким мальчиком он обожал в сопровождении своей многочисленной свиты гулять по центральной части несокрушимого Рима. Там Гай с восторгом восхищался величественными зданиями-титанами, которые возвышались на уважаемом и почитаемом всеми римлянами Форуме. Его взор неумолимо привлекали статуи бывших императоров. Словно белоснежные мраморные гиганты стояли они на центральных площадях Рима. Тиберий Сектор, Ромул Августул, Гай Юлий Цепилина, Марк Трибул Азиатский: статуи этих великих властелинов Римской империи, словно вечное напоминание о величии империи огромными глыбами возвышались над простыми смертными.

Не менее сильно Гай любил красивые, залитые ярким солнцем улицы Города. Особенно когда на этих улицах начинался какой-либо праздник. Например – Сатурналии. О, как маленький Гай Марк обожал этот праздник. В эти дни весь город неизменно менялся. В честь бога Сатурна в эти декабрьские дни все горожане совершали невероятные вещи. Хозяева, исполняя древнюю традицию, на короткое время становились слугами своих рабов, закрывались школы, отменялись все рутинные, ежедневные дела. И в безумном восторге толпы римлян выплески-

вались на узкие улицы Рима, чтобы в обезумевшем и пьяном веселье праздновать Сатурналии. Ликующие толпы резвились и праздновали праздник Сатурналии несколько дней и ночей подряд. Тонны еды и вина проливались и съедались в эти дни, а изо всех сторон то и дело раздавалось восторженное – «Jo Saturnalia». Праздник этот быстро разгорался, но медленно угасал.

Наравне с этими приятными воспоминаниями в памяти Гая вырисовывались злободневные будни в Вечном городе. О, эти римляне. Их величие меркнет на фоне тысячи их недостатков.

Рим уже много столетий властвовал над всей Землей. Не осталось на планете места, куда бы ни дотянулась всесильная рука Вечной Империи. Покоренные народы либо навечно становились рабами римских господ, либо пополняли орды прислуги и воинские контингенты Рима. Помимо военного господства, римляне достигли могущества в науке. Это им, римлянам, принадлежит открытие основных законов движения тел, теплодинамики и медицины. Это они, римляне, впервые составили общую и полноценную карту Земли. Римляне совершили кругосветное плавание и доказали, что Земля имеет круглую форму. Именно их, римская, политическая система не знает аналогов в истории. Она пережила десятки разных империй и стала самой совершенной системой государственного строя. Две партии, один сенат, и всеми любимый император во главе этих государственных структур – вот она, несокрушимая и надежная система управления. Лучшего нет, и не будет.

Уже три десятка столетий властвовал Рим на земле. Казалось, нет лучшего народа на Земле, чем римляне.

Однако Гай Марк очень хорошо знал своих сограждан, чтобы думать о них так. Он знал, насколько заносчив и необъяснимо жесток его народ. Стоит лишь только маленькому римлянину появиться на свет, как он тут же будет окружен надменными и избалованными взрослыми. Насколько бы ни был храбрым и самоотверженным маленький римлянин, из него обязательно сделают слабохарактерного и не слишком образованного нарцисса. И вскоре повзрослев этот нарцисс будет смотреть на все вокруг свысока. Как будто он сам Юпитер. Они, молодые заносчивые римляне, воспринимают все вокруг как должное. Гай Марк рос в среде маленьких римских аристократов. Он хорошо помнил, чему богатые граждане учат своих отпрысков. Они учат своих сыновей лишь только управлять и властвовать. Бездумно раздавать приказания всем и каждому, кто ниже их по происхождению и состоянию. Юношу очень быстро привыкают к этому. И вскоре мальчик, который бы мог стать величественным центурионом или отважным консулом, превращается в изнеженное и тупое существо, которое только и может повелительно махнуть ручкой да съесть горсть винограда.

В своих сверстниках, больше их глупости, Гай Марк не любил их бессмысленную жестокость и глупое, почти животное, чувство юмора. Гай морщился от воспоминаний о театральных представлениях, которые ставили специально для привилегированной, аристократической молодежи. Ему нисколько не нравились эти глупые кривляния и шутки лучших римских артистов. С тоской на этих представлениях Гай Марк вспоминал его детское путешествие с отцом в далекую Грецию. Вот там, считал юный будущий император, был настоящий театр и истинные актеры. Прекрасная музыка сочеталась с красивым и приятным пением, а яркие декорации то создавали видимость настоящего синего моря, то олицетворяли собой нарисованный густыми красками грозный Римский форум. Помнил Гай и то, как однажды он со своим отцом-императором присутствовал на одном из таких представлений. Это было одно из лучших его детских воспоминаний. Вокруг огромного амфитеатра, построенного из белого камня, было темно, а

на зрительских местах собралось большое количество зрителей. Юному Гаю и его отцу было отведена большая зрительская ложа прямо на самом почетном месте в амфитеатре. Вокруг их ложи стояла грозная стража, и толпились люди, отчаянно просившие что-то у его отца. Но стоило только зазвучать прекрасной музыке, с которой обычно начиналось любое представление в греческом театре, как отец Гая Марка император Сертор повелительно махнул рукой и все вокруг затихло. И только прекрасная музыка доносилась с далекой сцены. И под ее звуки, наконец, началось представление. Актеры не спеша выходили на сцену в красивых одеяниях и начинали исполнять свои роли. Они разговаривали, кричали друг на друга, брались за мечи, искусно сражались и эффектно, но не по-настоящему, умирали прямо на сцене. Не всегда Гай Марк разбирал, что происходило внизу амфитеатра, на сцене, но само это прекрасное действие полностью захватывало его детский разум и поражало воображение.

И вот, на фоне этих прекрасных воспоминаний о греческом театре, при виде мерзких и бесхитростных сцен римских «гениев» представлений, у Гая начиналась тошнота. Ему не нравились вульгарные сцены так называемого «театра», а больше всего ему не нравился безудержный смех его молодых друзей, которых забавило это жалкое зрелище. И так Гай Марк видел, насколько простодушно и глупо поколение молодых римских аристократов, к которому он принадлежал. У его сверстников полностью отсутствовало чувство эстетики, а учиться чему-то, кроме того, чему их научили взрослые наставники, они не желали.

И только если судьба будет милосердна к молодому римлянину, ему суждено попасть на службу в римскую армию. Вот это было настоящим благословением богов – стать римским воином. Армия была собственностью Рима. Его силой и защитой. Эти многотысячные стройные легионы римских воинов, победоносно маршировавшие по всему земному шару, внушали животный страх врагам Империи и возбуждали искренний восторг у римских граждан. Еще бы. Ведь римские воины олицетворяли собой всю мощь и неиссякаемую силу Рима.

Попасть на службу в римскую армию мог не каждый. Естественно, юные римские граждане из аристократических семей могли претендовать на важные военные должности. Но и это право давалось не каждому римскому юноше. Юноша должен был с самого раннего детства, подобно древним спартанцам, учиться военному делу. Сюда входило и умение обращаться с несколькими видами оружия, и навыки борьбы, и навыки верховой езды на лошади, и умение отдавать приказы и еще много других обязанностей. Далеко не каждый мог освоить эти сложные науки. Но тот, кто смог, как Гай Марк, мог рассчитывать на блестящую карьеру в римской армии.

Обычные центурии, состоявшие из рядовых солдат, формировались из незнатных римлян. Чтобы стать солдатом достаточно было просто иметь римское гражданство, а всему остальному молодого римского воина обучала очередная война или далекое путешествие.

Гай Марк искренне верил, что только благодаря доблести и отваги римской армии Рим стал владыкой мира. Только благодаря гению императора и храбрости его полководцев на поле боя твердо стояла на земле Вечная Империя. Римляне обожествляли императора, а за его спиной стояла многотысячная и грозная римская армия, готовая в любой момент вступить в бой за своего повелителя. Именно такая государственная система и была основой Империи.

«Стоит только доверить аристократическим глупцам из столицы управлять Империей вместо императора,» – размышлял про себя Гай Марк, – «Как все тут же рухнет, и не станет прекрасного Рима».

Именно такие мысли охватили голову юного Гая Марка, когда он на закате солнца засыпал в своей палатке.

На следующий день его ждало возвращение в Рим.

Глава II.

Город с восторгом встречал победителей. Радостные толпы людей в разноцветных одеждах вышли на улицу, для того чтобы приветствовать возвращавшихся из далекого военного похода доблестных солдат и офицеров.

В торжественном римском приветствии вздымались вверх тысячи рук. Со всех сторон до марширующих по самой главной улице Рима легионеров доносились возгласы приветствия и восторга.

Стройные ряды солдат слаженно маршировали, сотрясая своими тяжелыми металлическими сандалиями пыль и камни на мостовой. Во главе войска, верхом на белоснежных лошадях, облаченные в такие же белоснежные доспехи, гордо двигались полководцы. Почетное место, посередине между остальными всадниками, занимал Гай Марк. Его фигуру обрамлял белый шелковый плащ, доспехи его ярко сверкали на солнце, а верхушка густых черных волос на его голове была украшена большим украшением в виде лаврового венка, выполненным из чистого золота. В таком облачении, гордо восседавший в седле, с безукоризненно красивым и отважным лицом, Гай Марк как бы являлся воплощением могущества Империи и красоты ее столицы. Римляне, смотревшие на юного наследника с обеих обочин мостовой, как будто чувствовали, какое могущество олицетворяет молодой император. Поэтому они старались приветствовать Гая как можно громче, и как можно выше вскидывали свои руки в римском приветствии.

Армия триумфаторов двигалась прямо к центру города. К тысячелетнему Форуму. Он представлял собой огромную каменную площадь, рядом с которой возвышался большой холм. На нем красовался гигантский мраморный дворец, украшенный барельефами, статуями богов, огромной многоступенчатой лестницей, ведущей к главному входу. Большие дубовые двери, красовавшиеся на центральном входе во дворец и ведущие в его главную залу, также были обрамлены рюкьятками, рисунками римских богов, орнаментом из чистого золота.

На вершине широкой каменной лестницы, состоявшей ровно из ста ступенек, в своем большом кожаном кресле восседал сам император Рима – Гай Август Несокрушимый Сертор. Его окружала охрана из четырех десятков элитных имперских легионеров, вооруженных самым лучшим римским оружием – компактными огнестрельными автоматическими орудиями.

Император гордо восседал в своем кресле, одетый в костюм триумвира и с легкой улыбкой на лице смотревший, как к Форуму по центральной улице приближается Первая императорская армия.

Едва первые ряды марширующей по римским улицам армии приблизились к лестнице, возвышавшейся к Форуму, как сотня сигнальных расставленных вдоль мостовой подала сигнал остановиться.

Все легионы тут же послушно замерли, а солдаты гордо подняли головы и направили свой взор на вершину Форума, где восседал великий император.

Находившиеся на Форуме люди видели, как внизу от огромной массы застывшего войска отделились три небольших фигуры в белом одеянии. Эти три человеческие фигуры стали не спеша, но уверенно подниматься по широкой лестнице вверх, на ее вершину, к подножию дворца.

Восседавший в своем кресле император Сертор вскоре сумел очень хорошо разглядеть и опознать поднимавшихся к нему людей. Среди них он увидел Гнея Серкса, – великого, и, пожалуй, лучшего полководца Рима за последние сто лет. Далее император разглядел начальника своей стражи Требиуса, которого он послал в дальний военный поход в качестве телохранителя для своего сына. И наконец, посередине, между храбрым и опытным полководцем и пожилым стражником, император Сертор увидел своего единственного и любимого сына – Гая Марка. При виде своего чада, живого после дальнего похода и облаченного в прекрасные белые доспехи, пожилой император не смог сдержаться. Не дожидаясь пока все трое поднимутся к нему, император сам поднялся с кресла и стал осторожно спускаться по лестнице, на встречу поднимавшимся по ней. Охрана императора тут же ринулась за ним, окружив его со всех сторон и тщательно следя, чтобы пожилой властитель не оступился и не упал.

Однако стражникам не пришлось долго переживать. Вскоре Гай Марк, Гней и Требиус поравнялись с императором и прямо на ступеньках мраморной лестницы преклонили перед ним свои колени. Согласно римской традиции, император протянул свою руку для приветствия самому почетному и уважаемому гостю – величественному Гнею.

Полководец тут же встал во весь рост и поцеловал руку императора, а затем вскинул свою правую руку в римском приветствии. Затем император Сертор протянул свою руку для приветствия начальнику стражи. Требиус также быстро поднялся на ноги и, поцеловав императорскую руку, приветствовал Сертора римским салютом.

Далее пожилой монарх повернулся к Гаю. Однако вместо протягивания руки император велел своему сыну подняться, а когда тот выполнил поручения отца, крепко обнял его за плечи.

– Гай, мальчик мой, как же ты возмужал! – воскликнул император Сертор. – Воистину, этот поход против непокорного Крида сделал тебя настоящим воином!

Гай лишь слегка улыбнулся своему отцу.

– Ну что же ты молчишь, Гай?! – воскликнул император, слегка тряся своего наследника за плечи. – Неужели тебе нечего рассказать мне про свой первый самостоятельный военный поход?!

Гай хотел что-то ответить своему отцу, но его внезапно перебил Гней Сертор.

– Юный император устал после дальнего похода, мой Император, – сказал он. – Позвольте вашему дорогому наследнику отдохнуть после прибытия в столицу.

– Это правда, мой Император, – вмешался стоявший рядом Требиус.

– Обратите внимание, мой Император, толпа на улицах уже волнуется, – сказал он, указывая своей рукой на кишашие народом многочисленные улицы Рима. – Народ ждет празднования триумфа и денежных раздач, а армия хочет отдых после долгого перехода.

Услышав слова Требиуса, император оторвался от созерцания своего сына и обратил свой взгляд на волнующиеся у подножия римского Форума толпы народа и застывшую в неподвижном ожидании послушную армию.

– Ты прав, мой друг Требиус! – воскликнул старик император. – Сейчас же вели начать на улицах праздник, разведи солдат и распорядись выдать им жалованье, а затем присоединяйся к нашему веселью.

Отдав такие распоряжения начальнику стражи, Сертор обнял за плечи полководца Гнея Серкса и Гая Марка и повел их в сторону величественного Форума.

– Идемте, великие сыны Рима! – сказал Сертор. – Все готово к вашему возвращению, вас ждет величественный и многодневный пир в честь вашей победы.

На середине пути император внезапно остановился. Он резко развернулся, высоко поднял свою руку вверх и несколько раз помахал ей восторженной толпе скопившейся на площади.

Римские горожане хорошо знали этот императорский жест. Они знали, что этот жест означает начало масштабного и многодневного праздника и щедрых денежных раздач. Этот жест императора за три тысячи лет стал прочной частью римских традиций.

При виде взмаха императорской руки толпа, окружавшая Форум восторженно заревела и приготовилась к многодневному веселью: триумфу, пьянству, разврату и празднику.

***

Девять дней.

Девять дней продолжалось необузданное веселье и празднование римских граждан.

Из-за огромного количества еды и вина, которые римское правительство щедро раздавало своим подданным, улицы Рима были засыпаны пищевыми отходами.

Объевшиеся люди просто вываливали тонны недоеденных праздничных блюд на улицы: в бочки, сточные канавы, водоемы. За три тысячи лет величия Империи Рима, система вывоза мусора с улиц города и его ликвидации была организована крайне и крайне плохо. А в дни великих праздников, например – триумфов, мусор мог и вовсе не вывозиться. Это порождало для горожан немало проблем с мелкими вредителями, которые охотно плодились на свалках еды.

Однако полакомится объедками, пока те не сгнили, могли и несчастные рабы. Пока их господа, совершенно забыв о своих подневольных слугах, весело пиروвали, толпы рабов, пускай ненадолго, но получали свободу. Именно в такие моменты эти несчастные люди скитались по улицам вечного Рима, подбирая и жадно съедая остатки хозяйской пищи. Многие рабы

делали это с особым удовольствием, так как их господа зачастую не сильно утруждали себя обеспечением пропитанием своих подневольных. Пищевой паек таких рабов мог быть очень редким и крайне скудным.

И вот, сотни рабов уныло ходили по опустевшим улицам, ища и подбирая выброшенные праздничные остатки пищи. На них уныло глядели римские городские стражники, дежурившие в разных участках города. Гонять рабов не входило в их обязанности. К тому же, голодные рабы и рабыни самостоятельно ликвидировали остатки выброшенной пищи на улицах, что, по мнению стражников, приносило немалую пользу столице империи.

Ранним утром второго ноября три тысячи семьсот пятьдесят пятого года от основания Рима, спустя почти две недели после возвращения Гая Марка в столицу Римской империи, торжественные мероприятия по поводу победы римской армии над непокорными жителями Крида подошли к концу.

Весь Вечный город начал приходить в себя после разгульных торжеств. Однако обстановка к этому не благоприятствовала. В это утро Рим накрыло густым туманом. Все улицы были сырые и грязные от недавно прошедшего дождя, который размыл скопившиеся на обочинах помои по всем мостовым. Горожане стали просыпаться и постепенно выходить на улицу, чтобы заняться своими привычными делами. Часто из богатых домов доносились недовольные крики привилегированных горожан, рабы которых слонялись по улицам. Хозяевам очень не нравилось просыпаться в своих постелях после бурных праздников, и не получать при этом из рук благодарного раба большой кубок прохладного цекубского вина. Загулявшие рабы, услышав стоны и недовольные выкрики из домов своих господ, тут же бросали собирать объедки на улицах и стремились вернуться к своим хозяевам, пока те окончательно не рассердились на них. Самодовольные стражники, наблюдая за тем, как одетые в серые одежды рабы и рабыни стремились домой к своим хозяевам, то и дело пытались побыстрее поднять свою ногу и как следует пнуть ею какого-нибудь спешащего раба. И иногда этот трюк у них очень хорошо получался.

Испугавшийся сильного пинка под зад, обеспокоенный раб еще быстрее стремился скрыться с наполнявшейся свободными гражданами улицы и укрыться в доме своего хозяина.

Весь Рим после праздников приходил в себя. Вновь заработали многочисленные и оживленные городские рынки, в том числе и рабовладельческие. Створки на низких окнах многочисленных домов стали постепенно открываться. Начали свою работу городские извозчики, которые развозили на своих компактных передвижных крытых колесницах с паровым двигателем обеспеченных пассажиров в разные концы города. На улицу вышли городские квесторы, которые с отвращением рассматривали царивший повсюду после триумфальных празднеств беспорядок. Взмахом руки они приказывали стражникам выводить на улицы для наведения порядка государственных рабов, которых императорская канцелярия закупала специально для обеспечения чистоты и порядка в столице Империи. Невольные служащие вечной столицы после глубокого и спокойного сна нехотя приступали к унылой работе по очистке городских улиц.

Всюду воцарялась обычная, повседневная жизнь.

И только в одном месте Рима продолжался праздник. В императорском дворце, который возвышался между Форумом и аркой Великих императоров.

Там, в глубине императорских покоев, пожилой император Сертор вместе со своим сыном Гаем Марком, главным полководцем империи Гнем Серксом, начальником стражи Требиусом и несколькими высокопоставленными олигархами, приближенных к власти над империей, продолжал поднимать свои золотые кубки, наполненные вкусным вином, за величие римской армии.

– Да, это была великая победа! – воскликнул император Сертор, высоко поднимая свой золотой кубок с вином. – Даже величественнее, чем когда-то при Константинополе, когда наша армия разбила там ненавистных арабских завоевателей.

– О да, мой император, – ответил ему полководец Гней Серкс.

– Победа над Кридом была действительно великой, – сказал он, – но не более, чем триумф под Константинополем.

– Друзья мои, – вмешался в разговор императора и Серкса Требиус, – победа над Кридом величественна, и под Константинополем тоже.

– Но по-моему мнению, – продолжал начальник стражи, отпивая вина из кубка, – нет более великого триумфа Рима, чем триумф в Тевтобургском лесу.

Высказывание Требиуса единодушно громкими возгласами одобрили несколько присутствовавших на празднике олигархов.

– Ты прав Требиус, та битва действительно была великой, – добродушно кивнув головой, сказал император Сертор.

– Не победи наша армия тогда, кто знает, как бы сейчас сложилась судьба великого Рима, – сказал один из высокопоставленных олигархов.

– Подобные размышления – полные глупости! – воскликнул Гней Серкс. – Римская армия никогда не знала поражений, и клянусь, при моей жизни никогда не узнает!

При этих словах величественный полководец патетически ударил себя кулаком в грудь и гордо поднял свою голову вверх.

– Успокойся, успокойся Гней, – улыбнувшись сказал император, и дружески похлопал полководца по плечу. – Весь земной шар знает, что нигде в мире нет тебе равных на поле брани, что из всех полководцев – ты лучший.

Остальные присутствовавшие на пиршестве громко одобрили изречение императора и единодушно подняли свои кубки с вином вверх, чтобы выпить за великого полководца Серкса.

– Ну, а что скажет по этому поводу мой возлюбленный наследник Гай Марк? – сказал император Сертор, когда все сообща выпили за доблесть Гнея Серкса.

– Что ты скажешь нам, мой сын, какая битва была самой великой по твоему мнению? – спросил император, с интересом смотря на Гая. – Не стесняйся, ты уже взрослый муж и побывал в военном походе, какая же битва была самой величественной?

Вместе с императором свое внимание на Гая Марка обратили и другие высокопоставленные римляне. Все ждали его слов.

Однако Гай очень быстро пришел в замешательство от этих вопросов и пристальных взоров. В отличие от своего отца, он никогда не был превосходным оратором, и, надо сказать честно, не был оратором вообще. Чрезмерное влияние к его персоне периодически приводило его в страшное замешательство, преодолеть которое ему порой получалось с трудом.

– Ну же Гай, мы ждем твоего решения! – поторопил его всегда бывший очень добродушным по отношению к наследнику Требиус. – Скажи же нам, что думаешь.

– Это не совсем удобно, когда столь знатный юноша, да еще и будущий наследник, может быть, порой, таким застенчивым в обществе других мужей! – громко сказал Гней Серкс.

Однако он тут же поднялся со своего места и в пояс поклонился императору.

– Прошу прощения, о, божественный, что я позволил себе так резко заговорить о вашем сыне и наследнике, – сказал он, смотря в глаза императору.

В ответ на это император лишь добродушно махнул своей рукой, давая полководцу понять, что извинения его приняты.

– Самая величественная битва римской армии еще не состоялась, – внезапно ответил Гай Марк. – Но состоится... скоро...

На последней фразе Гаю пришлось резко замолчать, так как на него устремилось сразу несколько десятков изумленных и разгневанных взоров. Великие мужи Рима замолчали. Они были поражены дерзостью этого двадцатилетнего юнца, который осмелился сказать подобное.

– И что же это будет за битва Гай, мальчик мой? – раздался тихий голос императора.

Лишь только он один смотрел на дерзкого Гая не со злобой и осуждением в глазах, а с нескрываемым интересом и отцовской любовью.

– Это будет битва, – сказал Гай Марк, – которой буду командовать я.

– О, боги, о, несчастье! – свирепым голосом прокричал Гней Серкс. – Откуда в тебе, молодой юноша, столько дерзости и презрения к величию Рима?!

– Еще ни разу ты, юный мой друг, не побывал в качестве полководца ни в одном бою! – продолжал Серкс. – И, тем не менее, ты смеешь подобным образом презрительно высказываться в отношении прошлого нашей Империи?!

Гай Марк был растерян от такой реакции полководца на свои слова. Его вновь начала одолевать растерянность, и он поспешил замолчать.

– Послушай, великий Гней! – императорским жестом прервав возмущение полководца, сказал великий Сертор. – Я понимаю твоё возмущение, несчастный юноша действительно позволил себе невиданную дерзость.

– Но давай не будем чрезвычайно строго попрекать его за его юношескую дерзость, – продолжал император, – ведь, в конце концов, для будущего императора Рима дерзость и бесстрашие скорее добродетель, чем порок.

При этих словах императора разозленный полководец решил сесть на свое место и замолчать.

– Но самое главное, – продолжил император Сертор, когда все страсти за столом улеглись. – Юный Гай действительно может быть прав, самая величайшая битва Римской Империи может быть еще впереди.

– И командовать римскими легионами в этой битве будет именно он, Гай Марк! – громко воскликнул Требиус и рассмеялся.

Остальные присутствовавшие на празднике знатные римляне нерешительно, то и дело озираясь на злобное лицо Гнея Сертора, подхватили смех начальника императорской стражи.

– Правильно мой преданный Требиус, – сказал, также рассмеявшись Сертор.

Очень скоро оказалось, что всем сидящим за столом понравилась эта колкость Требиуса и всех она рассмешила.

Только два человека не смеялись в этот момент. Это были юный Гай Марк и Гней Серкс. Между юношей-наследником и бывалым полководцем всегда существовала некая невидимая стена неодобрения друг к другу. Гай искренне не понимал, почему этот величественный полководец всегда так холоден и презрителен в общении с ним, а иногда и вовсе делает вид, что не замечает юношу. Именно эта плохо скрываемая злоба и отпугивала императорского наследника от общения с Гнеем Серксом.

И Гай был прав. Серкс действительно, всей своей душой, ненавидел юношу.

И дело здесь было даже не во врожденной злобе полководца и его ненависти ко всем людям. Дело было в безумной любви к самому себе. Гней с детства обожал примерять на себя одеяния, подобные одеяниям римских полководцев. Часами, будучи еще маленьким мальчиком, он любил стоять перед большим, от пола до потолка, зеркалом в отцовском доме и изображать из себя триумфатора, шагающего по римским улицам во главе стотысячного войска после величайшей победы. Маленький Гней надевал на свою голову игрушечный лавровый венок, сделанный из каких-то листьев и веток, и строил на своем юном личике грозные гримасы, подобные тем, которые он видел на солдатских лицах во время военных парадов и шествий.

Его родители, прекрасная знатная римлянка из патрицианской семьи Антония и великий полководец времен эпохи императора Августа Аргунтула Марк Серкс, с интересом и незаметно наблюдали за забавами своего сына. Великий Марк хотел сделать из своего сына величайшего полководца. Он также надеялся, что когда-нибудь, за верную службу император Рима назначит его сына своим наследником, как это не раз бывало в Римской истории.

Со временем, серьезно повзрослев, Гней Серкс почти достиг идеалов своего отца. За блистательную военную службу наследник императора Аргунтула Гай Сертор назначил юного Гнея командующим элитной центурией, затем легионом, а затем, уже в возрасте тридцати лет, выдающийся римский воин стал командующим самой элитной армии Рима, которой доставалось исполнять самые тяжелые и далекие походы против врагов Империи.

Такая блестящая карьера полководца быстро вскружила голову молодому и честолюбивому Гнею. Ему казалось, что он достиг уже таких значительных и недостижимых для простых смертных вершин власти, что римские боги вот-вот назначат его самым императором Рима. И ведь у Гнея действительно был повод так думать. Ведь стареющий император Сертор уважал и почитал его как своего сына. И казалось, не было на всем свете человека сильнее и влиятельнее Гнея Серкса.

«Никто не осмелится переступить мне дорогу!» – высокомерно размышлял о своем положении в римском обществе Гней Серкс.

Однако все его надежды о римском престоле моментально рухнули, когда на сцену римской политической жизни выступил юноша по имени Гай Марк.

Он был первым и единственным, а значит, и самым любимым сыном пожилого императора. Пока он был еще маленьким мальчиком, весь Рим с восторгом взирал на него. Каждый римлянин считал, что этот юноша – посланник самих богов. Что с его воцарением на престоле Рим окончательно покорит всю планету. Он триумфально обойдет весь земной шар, а римляне к трехтысячному году существования своей цивилизации уже знали, что он круглый, и покорит все непокорные народы. Стоит лишь дать юному наследнику самую сильную и хорошо вооруженную армию.

Император Сертор тоже смотрел на своего сына снизу вверх. Он души не чаял в этом ребенке. Император свято верил в предсказание жрецов о том, что его сыну уготовано стать настоящим повелителем всего сущего под небесами. Он свято верил и в то, что боги избрали его наследника для совершения великого деяния – окончательного установления римского диктата во всем мире. И пожилого императора Сертора нисколько не смущало то обстоятельство, что это же самое, на протяжении почти трех десятков столетий римские жрецы предсказывали другим императорским наследникам, которые были ничуть не хуже и не менее красивыми, чем прекрасный Гай Марк.

Именно навязчивая вера в жреческие догмы и безумная, по-язычески иступленная, любовь к своему сыну заставляла императора тратить огромные суммы из государственной казны на образование Гая Марка. На его путешествия по всем владениям Рима в Европе, Африке, Азии и другим континентам в сопровождении стотысячной армии телохранителей. На его знакомство с лучшими театрами в Греции, Германии и Галлии. На пиршества Гая Марка с друзьями и на его развлечения с лучшими красавицами мира – дочерьми подвластных Риму царей. На все это «образование» уходило огромное количество римских денариев.

Не забывал властвующий император Рима и о других науках для своего сына. Гай с самого раннего детства обучался у лучших римских ученых самым важным, по мнению его отца и его приближенных, дисциплинам. Юношу-наследника обучали современной географии,

математике, истории Рима и покоренных стран, военной философии, традиционной философии, истории римских божеств и праздников, тактике, медицине.

Помнили и про другие важные науки. Гай Марк учился резво махать мечом, умело скакать на лошади, использовать боевой щит, командовать отрядом из нескольких солдат и также пользоваться арбалетом.

В общем, из него делали непросто образованного римского военного, но настоящего правителя, которому в будущем предстоит править огромной империей простиравшейся почти на трех континентах.

А римляне были счастливы видеть, как растет и крепнет их будущий правитель. Как он мужает и взрослеет, готовясь стать великим мужем.

Не нравились успехи юного наследника только одному человеку. Имя этого человека было – Гней Серкс.

Бывалый полководец истинно не понимал, почему именно этому выскочке и юнцу, который выделялся от черни только своим благородным происхождением, досталась божественная честь стать императором Римской Империи.

Ведь это он, Гней Серкс, сделал для Рима и римского народа больше всего. Ведь это он принес римские знамена в непокорные города. Он сокрушил ненавистный и упрямый Крид, который считал лишним признавать себя сатрапом римлян и платить налоги императору.

Он, Гней Серкс, вновь вознес над всем живым миром это грозное слово Рим, и заставил каждую живую тварь на земле трусливо и покорно роптать лишь только при произнесении этого слова.

И теперь его почетное место отнимает этот маленький щенок. Недородыш, глупый мечтатель и несмышленный юнец.

«Ну почему боги!!! Ну почему вы так жестоки ко мне! – часто восклицал про себя Гней Серкс, находясь в состоянии страстного негодования, – почему вы отнимаете мою славу и передаете ее какому-то жалкому щенку, который даже пыль на дорогах не достоин целовать!»

С огромной радостью Гней Серкс брал Гая Марка в свои военные походы. Он искоса смотрел на юношу, когда тот не замечал его грозного и пронизывающего взгляда. Опытный полководец лелеял мечту, что когда-нибудь, может очень скоро, всемогущие боги пойдут ему на встречу, и взбалмошная богиня мести Фурия одним выстрелом стрелы или ударом острого копья навсегда устранил Гая Марка с его дороги.

Такова была природа взаимной антипатии между двумя знатными римлянами, которым судьба уготовила стать заклятыми врагами: Гаем Марком и Гнеем Серксом. Вот, что не давало им смеяться после шутки Требиуса за столом у императора.

– Правильно, мой преданный начальник стражи Требиус! – повторил император Сертор, хваля Требиуса за его уместную шутку.

– А ты, Великий Гней Серкс, не принимай колкости Требиуса слишком уж близко к сердцу, – обратился император к военачальнику, – все знают, что лучше полководца, чем ты на свете уже не будет, друг мой.

Серкс кивнул головой в знак абсолютного согласия. Однако внутри его души все бушевало. Он никогда бы не простил эту выходку Гаю Марку.

Итак, мой преданный сын, – обратился император к Гаю Марку. – В какой поход ты бы хотел отправиться и какой непокорный народ сокрушить?

Гай Марк серьезно замялся и не знал, что ответить своему любимому отцу. Однако опытный Требиус вовремя перехватил инициативу от юноши, и развеял нависшее над праздничным столом молчание:

– Юный Гай Марк хочет командовать седьмой армией в походе против Миделл.

– Это немыслимо!

Крик Гнея Серкса напомнил рев раненного прямо в сердце льва.

Все присутствовавшие за столом обернулись в его сторону.

– Этого не будет! Слышите, не будет! – яростно закричал полководец. – Я никому не отдам свою армию! Этому не бывать!

Ярость его не знала пределов в этот момент. Он смотрел ни на кого. Его взгляд был устремлен на огромную статую бога Зевса, которая возвышалась прямо в центре императорских покоев.

– Смилуйся, о, Гней Серкс, – протянув свои руки к полководцу, сказал император Сертор. – Никто из нас и не думал отнимать у тебя твою славную армию.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что командовать моей седьмой армией в походе против Миделл будет Гай Марк?! – резко и оглушительно громко спросил Серкс у Требиуса, при этом смотря на него выпученными от ярости глазами.

– Я имел в виду, мой дорогой полководец Гней, – спокойным голосом ответил Требиус, – что командовать твоей седьмой армией в походе против ненавистных Миделл будешь ты, а помогать тебе в этом деле будет наш юный император Гай.

Требиус говорил тихо и совершенно спокойно, умело расставляя ударения на нужных словах. Он сохранял самообладание, даже несмотря на то, что над ним возвышалась грозная фигура полководца Серкса.

– Вот что я хотел сказать, мой дорогой друг Гней, – закончил свою речь Требиус.

В императорском зале, где проходило торжественное застолье самых значимых граждан Рима, установилось молчание. Гней Серкс все еще стоял на своем месте и в упор смотрел на

Требиуса. Но в его глазах иссяк огонь злобы, которая поразила его при столь кощунственных словах начальника стражи по поводу передачи седьмой армии Серкса Гаю Марку.

Остальные слушатели затаились и испуганно ждали, что будет дальше. Зная крутой нрав полководца Серкса и его искреннюю любовь к своей седьмой, самой дисциплинированной, сильной и отважной армии Рима, они ожидали, что отчаянный полководец вот-вот выхватит свой острый меч и насквозь пронзит им позволившего себе кощунствовать Требиуса.

– Ну как тебе моя идея, Гней? – спокойно и с легкой, но нахальной, улыбкой на своем красивом лице спросил Требиус.

– Прекрасная идея! – воскликнул император Сертор, решив вслед за своим начальником стражи разрушить гробовую тишину, воцарившуюся в зале.

– Ты, Гней, отправишься в поход против Миделл и сокрушишь этих варваров навсегда, – продолжил Сертор, – а мой наследник проследует за тобой и станет ближайшем советником при тебе, а также удостоится чести быть свидетелем твоего величайшего триумфа.

– Блистательно, мой император! – похлопав в ладоши, сказал Требиус.

– Как тебе такая идея, дружище Гней? – спросил он у грозного полководца. Гней Серкс молча сел на свое место и отпил вина из своего большого кубка.

– Я тебе не дружище, – не приветливо сказал он, – и впредь попрошу тебя не шутить так по поводу моей армии.

– Ну что, о божественный Гней, ты удостоишь нас чести назначить тебя командующим в походе против непокорных Миделл? – спросил император, когда увидел, что полководец полностью успокоился.

Гней вновь встал на ноги и вскинул руку в римском приветствии.

– Слава Великому Императору Сертору! – воскликнул он.

– Ваша воля, мой император, моя судьба, – сказал Гней Сертор после патетического приветствия, – я сокрушу Миделлы, только скажите мне, когда выступить в поход?

– Скоро, мой друг, скоро, – сказал император Сертор и обратился к своему сыну:

– А ты, Гай? Твое решение?

– Я иду, иду! – воскликнул Гай, как будто радостный мальчишка, которому купили боевого коня.

Он последовал примеру Серкса. Вскочил на ноги и вскинул руку в римском приветствии.

– Слава Великому Им...

– Ха ха ха ха... – раздалось со всех концов большого стола.

Даже всегда невозмутимый Гней Серкс не смог сдержать свою улыбку.

– Ты еще юн и глуп, мой мальчик, – сказал император. – Тебе не следует привыкать к этой фразе, ибо ты сам, скоро, станешь императором...

– Это приветствие должен кричать не ты, – сказал Требиус, подойдя к Гаю и похлопав его по плечу, – это приветствие будут кричать тебе твои подданные, привыкай к этому.

– Блестящий совет Требиус, – сказал император.

– Ну а ты, могучий, согласен взять нашего наследника в свой триумфальный поход? – обратился он к Серксу.

– Как прикажете, император, это будет честь для меня, – покорно ответил полководец.

– Миделлы остался последним, еще не покоренным нами, городом варваров, – сказал Требиус. – У них блестящая оборона и мощное оружие, два последних похода нашей армии закончились неудачно.

За императорским праздничным столом установилось продолжительное молчание в память о погибших римских солдатах в этих кровавых походах.

– Клянусь, на этот раз они умоются кровью эти варвары! – воскликнул Гней Серкс, когда памятный ритуал молчания закончился. – Я сделаю почву их земли красной от пятен их крови, клянусь.

Все римляне за столом в знак согласия промолчали. Только юного наследника немного смутила столь нескрываемая жестокость и ярость полководца.

Спустя несколько дней весь Рим начал готовиться к военному походу против последнего непокоренного государства – Миделл. Уже на протяжении двухсот лет эта страна давала отчаянный отпор римской цивилизации и отказывалась платить налоги в казну Рима.

Теперь военная машина империи решила окончательно разделаться и с этим своим врагом, превратив его города и стены в груды сдуваемого ветром пепла.

Участвовать в последнем походе Рима подлежало и Гаю Марку.

Глава III.

Вся история человечества совершила крутой поворот от своего, казалось бы, предначертанного пути. Возвышались и рушились империи Древнего Мира. Гибли несокрушимые повелители всех просторов земных. Тела некогда великих императоров, которые при жизни называли себя богами или представителями высших сил на Земле, после смерти превращались в гниющее и червивое мясо. Рушились стены несокрушимых и величественных городов, а их цари навсегда уходили в небытие. Не было ничего вечного в этом одиноком мире. Не было ничего...

Кроме вечного Рима.

Эта несокрушимая держава не поддавалась безжалостной воле времени и сокрушающей все на своем пути истории. Нет, все шло так, как задумали великие императоры, всего за несколько столетий превратившие маленький город в Италии в огромную средиземноморскую державу. Рим рос и хорошел, а вместе с ним росло и его могущество. Казалось, что за две тысячи лет его всемогущества не осталось на Земле больше места, где бы ни стояла статуя императора Августа, Трояна, Ромула Августа Несокрушимого, Марка Величественного, Помпея Завоевателя, Юлия Бессмертного.

За две тысячи лет власть Рима признали франки, парижане, африканцы, англы, почти истребленные галлы, племена далекого Севера и русских степей. Распространилось могущество Рима и на Испанию, Далекую Азию, Китай и Индию. Везде римское военное оружие и сложные технические машины, которые с изобретением парового котла превратились в страшных, быстро двигающихся монстров, обеспечивали поражение и смирение непокорных народов. Но оставались еще смельчаки и безумцы, которые считали, что римлян победить можно. Однако самоуверенность их оставалась недолгой. Она тут же превращалась в ничто, как только многотысячные римские легионы со своими машинами и орудиями появлялись под стенами их городов. Римляне не жалели непокорных. После поражения варваров, как было принято в римской традиции еще со времен Юлия Цезаря, жестоко казнили. Массово распинали на деревянных крестах или просто расстреливали из своих многоствольных орудий. Выживали лишь немногие. Лишь те, кто полностью терял свою волю и готов был стать даже подручным животным у великих завоевателей, лишь бы его оставили в живых. Щадили женщин. Римляне не пользовались варварскими женщинами. Однако они с удовольствием продавали их в рабство торговцам из Африки, Испании, Индии и других заинтересованных стран. Дети покоренных не представляли для римлян никакой ценности. После триумфального грабежа и разрушений римлянами непокорных городов маленьких выживших варваров ждала голодная смерть на развалинах их домов.

В конце концов, не осталось на земле ни одного неподвластного Риму народа. А те, кто подвластными стать не захотел, просто были истреблены. Такова была участь непокорных Риму глупцов.

***

– Мальчик мой, поверь мне, это станет твоим триумфом и свидетельством небывалой доблести.

– Да, отец, я знаю.

– Эти доспехи я надевал во время битвы с кеурианцами.

– Все знают об этом, отец.

– Глупые и недалекие варвары.

– Миделлы?

– Все они, все они глупцы. Все те, кто надеяться победить когда-либо Рим.

– Согласен с тобой отец.

Гай Марк стоял возле огромного, обрамленного массивным золотым орнаментом зеркала в императорском дворце. Вокруг него суетилась прислуга, а сам он был облачен в золотые доспехи и ярко-красный императорский плащ. Слуги поправляли части доспехов на теле императорского наследника, а также разглаживали складки на его плаще и расчесывали его густые темные волосы.

Неподалеку от своего сына стоял император Сертор. Он с достоинством любовался красотой своего наследника и той, мужественности, которую выражало его лицо.

– Я уже стар, мой мальчик, и поэтому командовать армией больше не могу. – Сказал владыка Рима, – а вот ты и твой товарищ Гней Серкс, я считаю, прекрасно справитесь с этой задачей. Разгромите Мителлы и уничтожьте тамошних варваров.

Гай Марк поморщился при упоминании имени полководца Серкса.

– Знаешь отец, – сказал он. – по моему, Гней вовсе не считает меня своим товарищем.

– Глупости! – воскликнул Сертор. – Не верь рассказам лжецов и лицемеров!

– Ты и Гней – братья на век! – величественным тоном произнес он. – Пускай вы не братья по крови, зато давние и очень сильные братья по оружию, а это крепче, чем любые братские узы.

Сертор демонстративно взмахнул своим длинным плащом, и его подол, сделав красивый виток в воздухе, аккуратно лег на пол.

– Надеюсь, ты крепко усвоил то, что я тебе сказал мой мальчик? – строго спросил император у своего сына.

– Да, отец, – ответил Гай.

Император приказал одному из слуг налить ему вина в большой золотой кубок. Когда кубок был наполнен живительным красным напитком, Сертор сделал несколько больших глотков и сел в просторное кресло, которое стояло неподалеку от зеркала.

– Миделлы опасная и большая крепость варваров, – сказал он Гаю Марку. – Взять ее штурмом будет сложнее, чем проклятый Крид.

Гай внимательно слушал слова своего отца.

– Когда начнется бой, находишься ближе к Гнею Серксу. Он сможет прикрыть тебя в случае опасности, – сказал Сертор.

– Завтра вы выступите в путь на Миделлы, – продолжил император, обращаясь к своему сыну. – Переход до земли варваров займет около двух месяцев, и будет он весьма и весьма тяжелым, мой юный сын.

Гай Марк решился задать своему отцу дерзкий, но неуверенный вопрос:

– Отец, ты считаешь – мы сможем победить варваров из Миделл?

При этих словах благородный Сертор лишь слегка усмехнулся.

– Не было еще на этом свете, который принадлежит Юпитеру, более могущественного и более цивилизованного народа, чем граждане Рима, – сказал он, делая большой глоток вина. – Никто еще за три тысячи лет существования римской державы не выдержал столкновения с нашей армией, все рабы и варвары рано или поздно пали.

– Но ведь Миделлы два раза выдерживали натиск наших самых отважных легионов.

Император сделал повелительный жест, требуя от своего сына замолчать и не говорить глупостей.

– Виною нашего поражения стал проклятый климат этих проклятых Миделл и малодушие наших полководцев, – громко сказал император, как бы стараясь, чтобы его специально услышало как можно людей вокруг.

– Мы потерпели поражение именно из-за трусости и нерешительности этих двух бездельников-полководцев! – продолжал владыка Рима. – Они привели две наших самых лучших армии к полному разгрому!

Гай Марк старательно слушал каждое слово своего отца.

– С тобой, мальчик мой, и Гнеем Серксом ничего подобного случиться не может, – сказал Сертор. – Он самый опытный и отважный полководец за три тысячи лет Рима, а ты, ты... ты будущий император мира. Боги перестанут быть богами, если вы оба падете в битве с этими животными из Миделл.

Так рассуждал император Сертор. А его преданный сын лишь покорно кивал головой, выслушивая его горделивый пассаж.

– Запомни, сын. Вы должны окончить войну всего за два месяца, – строго и глядя при этом прямо в глаза Гаю, сказал император. – К великому празднику Сатурналии вы должны уже вернуться обратно в столицу и встретить триумф. Ты – как новый император, а Гней – как заслуженный почетный гражданин и главный сенатор.

Гай Марк был удивлен и взволнован этими словами своего родителя.

– Уже? Уже в Сатурналии? Я должен стать императором...?

Сертор лишь пренебрежительно махнул рукой.

– Да, Гай – мой сын. Ты должен стать императором уже на исходе этого года.

– Но почему сейчас?! – воскликнул Гай Марк. – Я еще не готов стать императором.

На лице великого Сертора промелькнула вспышка ярости.

– О, боги, о Юпитер! Сколько горя с этим юношей, – патетически восклицал римский владыка, словно актер греческого театра. – Ты станешь настоящим мужем и воином после этого похода, ты будешь готов перенять вожжи правления подчиненными народами и направлять их. Ты будешь готов стать императором.

Гай Марк замолчал, почувствовав приближение сурового гнева своего отца.

Однако мудрый император быстро сменил свой гнев на благородное милосердие. Он медленно поднялся со своего кресла и подошел к наследнику.

Взяв своей старческой рукой Гая за его юношеский подбородок, он внимательно заглянул в его глубокие и пронзительные глаза.

– Сын мой, – с отцовской нежностью сказал Сертор. – это деяние нужно не только мне. Оно нужно тебе, и, самое главное, оно нужно нашему великому Риму. Кто-то должен сокрушить последний оплот варваров.

– Но командовать армией все равно будет Гней Сертор, отец, – тихо сказал Гай Марк.

– Естественно Гней, – мягко ответил император, все еще смотря в глаза своему сыну.

– Но знаешь ли ты, мальчик мой, что именно такая судьба уготована римским императорам, – продолжил Сертор. – В битвах побеждают полководцы, а иногда даже победа достается им ценою их собственной жизни. Так даже лучше. Но победы их принадлежат императорам.

Глаза Гая выразили изумление и не понимание.

– Ты хочешь смерти Гнея Серкса, отец? – страшно удивившись, спросил наследник.

Император усмехнулся.

– Такова участь великих полководцев, Гай. Какими бы великими они ни были, вся их судьба неразрывно связана с римским императором. Риму, и его величию, которым этот замечательный город обязан именно его императорам, принадлежат победы наших полководцев. Именно поэтому, самые великие воины Рима всегда посвящали свои триумфы императорам. Так было всегда: и при Цезаре Несокрушимом, и при Гнее Величественном, и даже при Марке Азиатском. Таков удел полководца. Он воюет не за себя, и не за свою славу, а за величие Рима.

Император Сертор оставил своего сына, и вновь подошел к небольшому столику, на котором красовался его красивый ярко-золотой кубок с вином. Сделав несколько освежающих глотков, он громогласно продолжил.

– Так вот Гай! Гней Серкс – это лучший из сынов Рима. Его смерть будет большой печалью для нас всех. Но богиня Немезида хоть и жестока, но крайне справедлива. Для Гнея взятие Мителл должно стать вершиной его величия. После этого ему стремиться уже некуда.

Тут император резко и решительно взглянул на своего сына.

– Поэтому, заклинаю тебя, Гай, – четко проговаривая каждое слово, сказал Сертор. – Держись во время боев как можно дальше от Гнея. Я чувствую, что дни его будут сочтены возле Мителл. Пускай он предстанет пред добродушным Марсом в его небесных чертогах, но его окончательная победа станет триумфом для всех римлян, а имя его навсегда останется легендой.

– Но как же я буду... – попытался чем-то нерешительно возразить своему великому отцу Гай Марк.

– Просто находишься как можно дальше от него! – громко крикнул Сертор, от чего все императорские слуги нервно вздрогнули, а кое-кто даже выронил посуду из рук.

– Вон!

Голос императора заставил задрожать большие стекла в окнах его покоев. Его рев был обращен к глупой и медлительной прислуге, и рабам, которые подносили вино и подливали его в кубок Сертора.

– Вон, я сказал! – повторил император свое требование.

Все лишние люди торопились убраться из просторного зала, унося с собой ненужные предметы. В какой-то момент, из-за большой и спешной суматохи, трое чернокожих рабов даже замялись в дверном проеме выхода, стараясь удалиться от злобного императора как можно скорее.

Сам владыка презрительным взглядом проводил всех своих слуг и вновь обратился к своему наследнику, когда в покоях не осталось никого кроме них.

– Мое последнее слово, Гай, – спокойным тоном заговорил император. – Ты будешь находиться в лагере армии, пока будет идти бой. А наш с тобой преданный друг Требиус, в чьей преданности и любви к тебе я никогда не сомневался, будет оберегать тебя от лишних волнений. Затем, когда война будет окончена... О всемогущие боги! Сделайте так, чтобы жертв среди римлян было как можно меньше. Когда война будет окончена, ты и Требиус триумфально вернетесь в Рим, объявите о нашей победе и возвестите скорбную весть о героически погибшем Гнее Серторе.

– Но почему Гней обязательно должен погибнуть, отец? – все-таки задал свой вопрос Гай Марк. – Может всемогущие боги будут ревностно оберегать его и в этом бою, и он сам, в одиночку, разобьет всех варваров?

Император молча, но с плохо скрываемым раздражением, продемонстрировал своему сыну жест, требовавший безоговорочного молчания.

– После вашего триумфа, – продолжил Сертор, – благородный сенат дарует тебе титул отца Рима и императора империи.

– Но отец...

– А я, твой любящий и преданный отец, раз и навсегда уйду на покой и дарю тебе свободу действий в твоём царствовании. Ты, я считаю, достоин стать императором. Ты умен, красив, молод, любим толпой и одарен ораторским талантом. Пускай ты молод, но Великий Понтий Сокрушитель стал владыкою в шестнадцать лет, ещё будучи моложе тебя.

– На этом все Гай, – закончил свою речь император. – Будь преданным Риму и мне, твоему отцу.

С этими словами император Сертор медленно удалился из своих покоев. Оставив Гая Марка возле большого зеркала, и предоставив ему в спокойствии готовиться к походу против Миделл.

***

Данный порядок был установлен римскими императорами уже несколько веков до того, как на свет появился Гай Марк.

Обычно, наиболее крупное, рискованное и опаснейшее военное путешествие римской армии не могло совершиться без участия в нём, как правило, великого стратега и полководца, а также самого императора, фигура которого на поле боя воодушевляла римских солдат и заставляла их бесстрашно идти в бой на врага. Такой порядок был заведен ещё Божественным Октавианом Августом и сохранялся благородными римлянами на протяжении двадцати столетий.

Но постепенно в эту традицию вносились некоторые дополнения самими императорами. Ещё император Гальба, будучи сам выходцем из полководцев, провёл через подвластный ему римский сенат закон, согласно которому все победы римской армии являются заслугой гения самого императора, а все остальные граждане лишь исполняют его волю. Закон был установлен, хотя долгое время он оставался лишь бездейственной формальностью.

Но вот наступила эра великого Траяна, и просто формальность стала действенной законодательной нормой. Полководцы Рима, независимо от своего статуса и общественного признания, теперь приносили клятву перед лицом императора и народом Рима, обязуясь передать все свои лавры победителя в руки императора, так как именно он являлся отцом Империи и представлял интересы всех её граждан.

Но не всегда этот постулат безукоризненно соблюдался. В две тысячи триста семьдесят пятом году полководец Марк Мицелл пренебрег требованием императора Рома вернуть свои войска в Рим после победы над непокорными народами Севера и поднял бунт против Империи. Со своей преданной армией, состоящей из четырехсот тысяч человек, он двинулся на столицу Римской Империи, чтобы сокрушить тирана Рома и самому стать императором.

С большим трудом императору и преданным ему войскам удалось сокрушить мятежников и остановить восстание. Многие воины из армии бунтовщика Мицелла были казнены, другие изгнаны из Рима и империи вообще, а третьи оставлены без жалованья. Сам взбунтовавшийся полководец был казнен любимым способом экзекуции у римлян: распятием на двух больших и скрещенных деревянных досках. Таким же образом казнили и несколько десятков тысяч его самых преданных солдат. Порядок был восстановлен.

Прошло несколько столетий с тех страшных событий в истории Рима. Казалось, реки крови, которыми истекли казненные бунтовщики и многолетнее забвение отчаянного полководца-бунтовщика навсегда развеяли из народной памяти самый масштабный акт гражданского неповиновения римским властям и самому императору в истории.

Однако прошло всего несколько столетий и отчаянный мятеж, не желавшего отдавать свою кровную победу нелюбимому императору полководца повторился. Но на этот раз бунтовщиков было несколько.

Марк Кентурий, Галлий Сирийский и Сципион Сокрушитель, будучи тремя главными военачальниками в битве против орд диких кочевников в Азии, на границе с Китаем, в три тысячи двести двадцать шестом году от основания священного города Рима, вступили в соглашение друг с другом.

Более трех лет они уничтожали армию азиатского вождя Урука. Дикие всадники, словно бесы, скакали на своих одичавших лошадях, размахивая острыми, как меч самого бога Марса, саблями, и прямо на скаку отрубали головы и руки мужественным римским воинам. И все же, с большими усилиями и с неисчислимыми потерями удалось трем храбрым и самоотверженным полководцам сломить дух варваров из Азии и подчинить их империи.

Но не успели Марк, Галлий и Сципион отпраздновать свою тяжелую победу, как из столицы пришла неприятная для всех трех этих мужей весть. Ее торжественно доставили несколько римских всадников в одеяниях и доспехах императорской стражи. Полководцы получили от императорских посланников торжественно белый и большой лист крепкой, сделанной по китайским традициям, бумаги. Начав читать тот текст, который на себе сохранила эта бумага, полководцы все больше падали духом, а гнев их и ярость, наоборот, стремительно возрастали. Каждому из трех полководцев врезались в память, словно гранитная надпись, те слова, которые тогдашний император Август Гней Юлиус написал на красивой белой гербовой бумаге индийскими чернилами:

*Божественный император Всесильной и Вечной Римской Империи Август Гней Юлиус
Божественный*

Беспримерной храбрости полководцам Рима

Марку Кентурию

Гаю Сирийскому

и

Сципиону Сокрушителю

О, храбрые войны Рима! Да благословит Вас Великий и Вечный бог Юпитер.

Как долго все милостивые и благородные граждане Вечного Рима ожидали известия о вашей победе над мерзкими и неполноценными дикарями далекой Азии.

И вот, слава великим богам, известие о вашей окончательной победе, наконец, достигло и нашу Непревзойденную столицу.

Народ ликует и прославляет своего Императора и Вас, павшие в жестокой битве за счастье каждого свободного гражданина, доблестные римские мужи.

Я, Всесильный Император Римской Империи Август Гней Юлиус Божественный, поздравляю Вас с победой великие воины и одновременно скорблю о вашей столь прискорбной гибели на поле брани.

Знаю, что вы навечно воссоединились с богами в их сладострастных чертогах и наслаждаетесь всеми радостями жизни покойных.

Да сделает Вас Великий Юпитер навечно счастливыми.

Именно такими, неприятными для великих полководцев словами заканчивалось послание императора. Как оказалось, римский владыка заранее, не дожидаясь окончания сражений, решил объявить лучших полководцев империи мертвецами.

На вопрос полководцев к имперским посланникам, почему император желает видеть их мертвыми после столь великой победы, посланники ответили, что такова воля правителя, и если судьба уготовила главным военачальникам остаться в живых они должны сами, исполняя волю владыки Рима, покончить с собой.

Столь шокирующее повеление императора повергло трех мужественных и опытных воинов в глубокий шок, а затем в неистовую злобу.

Оставив посланников, Марк, Гай и Сципион велели собрать свои оставшиеся легионы на большом поле, на котором всего несколько дней назад разворачивалась страшная битва между солдатами римской цивилизации и полудикими варварами. Применив все свои ораторские способности, три доблестных полководца объявили своим преданным солдатам, какую участь уготовил Рим их командирам.

Испугавшись за свое будущее, за свои награды и денежные пожалованья, а также обеспокоившись печальной судьбой своих командующих, римские солдаты велели полководцам вести их в Рим, чтобы лично встретиться с императором. Ревущая огромная солдатская масса требовала восстановления справедливости и наказания для тех, кто предал их храбрых командиров.

Воспользовавшись массовой поддержкой своего войска, не пожелавшие умирать полководцы, приказали своим солдатам разделаться с императорскими посланниками, посмевшими принести им столь дурную весть из столицы. Когда тела растерзанных и обнаженных посланников императора уже больше никому не доставляли удовольствия, мятежные военачальники вновь призвали свое войско к порядку и громко объявили, что они действительно готовы организовать поход на столицу.

Марк, Галлий и Сципион были уверены, что с помощью своей взбунтовавшейся армии они не только добьются от императора отмены его мерзкого и предательского приговора, но и поднимут восстание в других военных гарнизонах. В планы их не входило свержение импера-

тора, в планы их входило добиться для себя еще больших привилегий, а также новых титулов и властных полномочий наравне с императором. С огромной массой своих солдат они выдвинулись в обратный путь из Азии, их целью было как можно скорее достигнуть великого Рима.

Всем встречавшимся на их пути подвластным Риму городам военные бунтовщики объявляли, что они идут в столицу ради достижения справедливости, чтобы добиться от римского императора справедливого отношения ко всем его подданным. Такие благородные заявления не могли не задевать чувства людей, встречавшихся заговорщикам на их пути. В крупных городах империи Марка, Сципиона и Галлия встречали как героев. А их солдат непременно обслуживали местные красавицы. По всей империи пошел активный слух, что трое храбрых мужей решили раз и навсегда ограничить всемогущую власть Рима над другими народами и даровать всем не римлянам свободу. Ничего подобного в планы римских мятежников не входило. На всех не римлян они смотрели свысока, в лучшем случае как на варваров. Такое отношение римлян к другим народам и городам веками впитывалось им в кровь, словно материнское молоко.

Однако полководцы не желали расстраивать расположение варваров к себе, и поэтому лишь уклончиво отвечали тем, что при вступлении в Рим непременно попросят императора смягчить свои методы управления.

На протяжении двух месяцев огромное войско Марка Кентурия, Гая Сирийского и Сципиона Сокрушителя продвигалось к Риму. И чем дальше оно шло, тем агрессивнее и опаснее оно становилось. Сами командующие мятежным войском заключили между собой союз, который по давней традиции, восходящей еще к величественному Юлию Цезарю, разогнавшему ненавистный сенат после неудачного покушения на него и провозгласившего себя императором, назывался – триумvirатом. Марк, Гай и Сципион поклялись идти вместе до конца и или добиться победы, или же вместе разделить участь страшного поражения.

В самом Риме в течение продолжительного времени ничего о восстании армии в Азии не знали.

Уже немолодой император Август Гней Юлиус был уверен, что его верные полководцы или доблестно погибли в бою с варварами, или же строго выполнили его волю о своем самоубийстве. Удивлению его не было пределов, когда он узнал, что его военачальники в Азии не только не мертвы, но еще и восстали против Рима. Удивление его очень быстро сменилось дикой яростью, а потом и ужасающим страхом. Ничего не знал стареющий император о настоящих мотивах бунтовщиков в Азии. В его сознании возникла идея о возможно скором крахе империи. В какой-то момент божественный правитель действительно решил, что изменники направляются в Рим, чтобы свергнуть императорскую власть, как когда-то, давным-давно, древние римляне свергли ненавистных царей и установили затем республику.

Но недолго продолжались опасения императора. Очень скоро хитрые и незаметные шпионы империи во всех деталях выяснили реальные цели и мотивы главных бунтовщиков.

– «Это не война против империи и императора. Это просто восстание Спартака» – объявил вскоре император своей приближенной свите, узнав, чего в действительности хотят восставшие.

Однако и после этого причины для паники все же оставались. Ведь огромное, злое и плохо контролируемое войско может пойти на что угодно. Император решил не идти на уступки предателям.

– «Сегодня они хотят денег и жизни, а завтра захотят моей смерти» – громко заявил он.

Вскоре владыка обратился к римлянам, которые из-за непонятных, оборванных и пугающих новостей стали постепенно поддаваться паническим настроениям.

Стоя на центральной площади города, на которой возвышался Форум, император объявил многотысячной толпе, что против него и его подданных восстало войско дикарей, которые по каким-то странным и нелепым, известным только богам, обстоятельствам объявили себя римской армией. Публично он объявил полководцев Марка Кентурия, Гая Сирийского и Сципиона Сокрушителя – врагами Рима и назначил награду за их отрезанные головы. Всех римлян император призвал не слушать предателей и если потребуется – встать на защиту родной столицы от войска изменников.

Одновременно с этим владыка объявил военное положение на всей территории империи. Он также назначил второго полководца Рима Гая Сицилийского главой чрезвычайной армии, которая должна была разгромить бунтовщиков.

Вскоре свора мятежников уже была под стенами Рима. Их предводители обратились с речью к жителям столицы, в которой они призывали открыть городские ворота и впустить своих героев в столицу. В таком случае, утверждали они, Рим избежит ужасной гражданской войны и защитит свой имперский авторитет в глазах варваров.

Несмотря на уверенность Гая, Кентурия и Сципиона в своей правоте и вере в неминуемую победу, их войско начинало терять самообладание. Многим солдатам из числа мятежников еще на пути к Риму начало казаться, что они, вернувшись из далекого азиатского похода и послушавшись приказа императора, совершают измену своей родине. Еще не успело мятежное войско подойти к стенам Вечного города, как в среде армии бунтарей тут же выявилось несколько тысяч дезертиров. По ночам, предчувствуя скорое поражение этой авантюры, один за другим они начали покидать лагерь взбунтовавшихся полководцев и возвращаться в свои дома, чтобы затем объявить властям о своем неучастии в заговоре. Сначала дезертиров было всего несколько десятков. Затем, по мере приближения к массивным стенам, которые оберегали вечный Рим, их число моментально возросло до нескольких сотен, а позже и тысяч человек. Сами полководцы вначале пытались пресечь бегство своих солдат. Они вводили децимацию (казнь) или телесные наказания для беглецов. Однако вскоре они убедились в том, что такие меры лишь увеличивают количество беглецов. С тех пор отчаявшиеся противники императора пытались лишь только своими увещаниями и обещаниями о достойном вознаграждении после победы остановить дезертирство своих сторонников.

Однако и это не помогло.

К тому моменту как войско полководцев-путчистов подошло к воротам Рима из четырехсот тысяч солдат, которые выступили с ними из Азии, с ними осталось едва только восемьдесят тысяч вооруженных и готовых сражаться воинов.

Тем не менее, казалось, что для победы хватит и этих десятков тысяч храбрых мужчин.

Однако наивные и честолюбивые смутьяны крайне недооценили мощь Рима. Очень скоро перед ними распахнулись его ворота. Однако их открыли не для того, чтобы впустить осаждающих город и примириться с ними, а для решающей и страшной битвы.

Едва только центурии римских солдат, вышедших на бой с мятежниками, стали появляться из городских стен и выстраиваться в боевом порядке, у бунтовщиков и их командиров окончательно исчезли иллюзии о своей возможной победе.

Вслед за закованными в броню солдатами, из городских ворот на большую площадь перед городом с железным грохотом выехали стальные гиганты-машины. Как и солдаты, они были покрыты непробиваемой броней, а их большие орудия, стреляющие разрывающимися стальными ядрами, были нацелены прямо на неровные шеренги восставшей армии. В конце устрашающего построения римской боевой машины, из городских ворот, не спеша, восседая на белом гордом коне, на поле боя выехал сам командующий главными военными силами империи Гай Сицилийский.

Без каких-либо обращений и воззваний к мятежникам, преданный императору полководец поднял свою руку в белоснежно белой перчатке вверх и приказал своему войску начать атаку.

Ни храбрость, ни отчаянье, ни оправданная злоба не могли возместить собой храбрым и отчаявшимся бунтовщикам отсутствие у них крепкого обмундирования (их доспехи истрепались в долгих походах и в кровопролитных сражениях с варварами), а также боеприпасов и мощной боевой техники.

В течение шести часов все было кончено. Сражение с некогда великими полководцами Римской империи было выиграно самой империей. Несколько десятков тысяч храбрецов, из числа решившихся бросить вызов своей родине были убиты. Выжившие либо предпочли бежать, либо сдаться в плен. Последних было немного. Ибо римские солдаты уже давно усвоили урок, что их главный повелитель не милостив к изменникам.

Что касается Сципиона Разрушителя, Марка Кентурия и Гая Сирийского, то, несмотря на свой крепкий триумвират, эти доблестные мужи разбежались в разные стороны, едва почуяв, что час их кончины близок. Однако долго им прятаться не пришлось. Зная, что от гнева и власти римского императора спрятаться невозможно нигде, они предпочли покончить с собой самостоятельно, не дожидаясь своей поимки и последующей унижительной экзекуции на улицах Рима.

Так закончился второй крупный бунт римских полководцев против своего императора. Едва Август Гней Юлиус получил известия о том, что тела всех трех заговорщиков найдены мертвыми, он поспешил на Форум и велел собрать толпу у его подножия.

Не жалея своего красноречия император объявил умерших главарей восстания изменниками богов и самого Рима. Себя же, в присутствии многотысячной возбужденной и готовой к затяжному празднику толпы, он объявил победителем азиатских варваров. За этими словами владыки последовали бурные и неутихающие овации городской черни, а сам растроганный император объявил следующие десять дней всеобщим праздником в Риме.

Пока неустрашимые завоеватели Азии для Рима медленно становились прахом в сырой земле, их родина безудержно праздновала и ликовала, веселясь победе над своими солдатами.

После столь страшных и кровопролитных войн между императором Рима и его полководцами у властной верхушки империи появилась новая традиция. Август Гней Юлиус после своей победы над мятежными военачальниками решил раз и навсегда пресечь подобные попытки неподчинения императорской воле. Выступая перед римским сенатом шестнадцатого марта три тысячи двести двадцать седьмого года от основания Рима император, используя все свое честолюбивое красноречие, объяснил сенаторам, к каким страшным последствиям может привести своеволие и неконтролируемое могущество полководцев, управляющих большими легионами. Вздывая свои руки к потолку совещательного зала, Юлиус проклял ненавистных ему мятежников и преданных им солдат. Он также призвал сенаторов, ради спасения Рима, уберечь будущих римских владык от военного террора со стороны нечестных и властолюбивых полководцев.

Сенаторы выслушали доводы императора, и полностью с ним согласились. Весь день продолжалось обсуждение нового тайного закона империи. В конце концов, отцы империи пришли к выводу, что для достижения порядка и спокойствия в державе, важных и влиятельных полководцев в тот момент, когда они находятся на вершине своей власти, желательно устранивать с политической арены, чтобы они не могли противоречить императору и претендовать на его власть. Как именно ликвидировать с политической сцены ненадежных военачальников сенаторы и император тоже обговорили.

Был издан эдикт, который предписывал всем без исключения полководцам империи принимать фактическое участие в любом мало-мальски важном военном конфликте. С этих пор любой военачальник Рима, командующий крупным соединением войск, обязан был сам браться за оружие и бок обок со своими верными войсками сражаться с противником. Если же командующий пренебрегал этим правом и во время битвы пребывал в своем лагере – император имел законное право лишить его всех почестей, так же как и жизни.

Зачастую полководцы не смели нарушить это предписание. И большинство из них в последующих битвах из-за своего деятельного участия в бою нередко становилось легкой и желанной добычей противника. Чаще всего, после введения антиполководческого закона, видные командиры так и не возвращались в столицу с триумфом, а вся их слава после победы доставалась именно римским императорам. Но бывали все же случаи, когда у владыки римского могли возникнуть подозрения, что тот или иной командующий войсками жаждет повторить преступление Сципиона Сокрушителя, Гая Сирийского и Марка Кентурия.

На этот случай для императора и его приближенных законом Гнея Юлиуса вводилось специальное право: «Божественное право». Если у владыки возникало подозрение о готовящемся военном заговоре, сенаторы позволяли ему уничтожить главного заговорщика. Едва было дано разрешение на убийство зачинщика беспорядков, как в лагере главного полководца тут же появлялся кто-либо из императорской свиты.

С заподозренным в измене полководцем мило беседовали, угощали его вкусным вином, выслушивали рассказы бедняги о своих славных подвигах и с отеческой любовью хлопали по плечу. Но стоило только ночной темноте накрыть собой военный лагерь, как в тишине, среди тысяч молчаливых солдатских палаток, из главной палатки лагеря, полководческой, раздавался тихий стон. Это был предсмертный стон гнусного высокопоставленного полководца. Его уда-

рили ножом, а затем, для верности, задушили. Наутро тихие и незаметные «люди императора» исчезали, а бездыханное тело главного полководца оставалось лежать без движения в его просторной боевой палатке.

Именно таким «Божественным правом» Рим навсегда обезопасил себя от изменников и гражданских войн. Любой заговор среди своих сограждан или военных теперь легко разрешался с помощью одного хладнокровного, но показательного убийства.

Именно с помощью этого же «Божественного права» Мудрый император Сертор планировал обезопасить себя, свою империю, своего наследника и всех граждан Рима от неблагоприятного и слишком честолюбивого полководца Гнея Серкса.

Глава IV.

Этот прозорливый и шаловливый тонкий лучик света как будто веселился в крошечной тьме и, играя, старался ее разогнать, озарив собой все пространство вокруг. Этот тонкий ярко-желтый луч проникал сквозь небольшое, совсем узкое отверстие, которое располагалось наверху больших, массивных и тесно соединенных дубовых досок, из которых были сконструированы ворота военного лагеря располагавшегося прямо в центре Рима. За этими воротами, внутри лагеря еще находилось несколько десятков людей. Многие из них столпились прямо под оранжевой кирпичной аркой, выстроенной в воротах, которая служила специальным коридором, соединявшим наружный мир и внутренне пространство военного учреждения. Внутри этой длинной арки, словно в глубоком подземном туннеле, несмотря на жаркий и солнечный июльский день, установилась прохладная и немного волнующая темнота. Солнце под арку не проникало, и находящиеся под ее защитой три десятка солдат и офицеров могли наслаждаться темнотой и прохладой, пока их собратья на площади перед воротами страдали от палящего солнца. Прямо у самых ворот, которые открывали выход из под арки и военного лагеря на просторную мостовую, стоял Гай Марк.

Именно ему было поручено вывести самый престижный легион седьмой армии Гнея Серкса из казарм, и торжественно сопроводить его к центральной площади Рима, прямо к Форуму, где была выстроена основная часть этой армии. Именно в юные голубые глаза Гая ударял и слепил их яркий лучик солнца, просачивавшийся сквозь щель в деревянных воротах. Гай слышал, как за воротами волнуется римская чернь, собравшаяся на улицах города, чтобы посмотреть торжественное шествие седьмой армии, которая отправится на завоевание Миделл.

Однако ни взволнованный шум толпы за воротами, ни неприятные возгласы солдат и офицеров за его спиной, требовавших от городской стражи как можно скорее открыть ворота, не могли оторвать Гая от любования молодым золотым лучом. Юному наследнику в этот момент казалось, что этот скользкий в темноте кирпичной арки молоденький луч света такой же одинокий как и он сам. Гай не слышал ничего вокруг. Сейчас ему больше всего хотелось навсегда остаться где-то в темноте, и наслаждаться спокойным созерцанием одинокого луча света.

– Марш!

Команда прозвучала резко и неожиданно, словно рев тысячи свирепых львов во время гладиаторского боя.

Услышав кодовый сигнал, караульные стражники тут же нажали на все рычаги и дубовые ворота престижного военного лагеря моментально раскрылись. Все мечтания и спокойствие Гая Марка тут же были моментально разрушены огромной волной слегка обжигающего солнечного света, который нахлынул на него, едва распахнулись защитные ворота.

– Мой император, нам нужно идти! – воскликнул один из стоявших рядом с Гаем офицеров. – Нам нужно идти, торжественный марш начинается.

Офицеру пришлось уверенно, но не слишком сильно дернуть Гая за плечо, чтобы тот пришел в себя и отдал команду ждущим его военным.

Едва рука военного коснулась его плеча, как будущий император тут же встрепенулся.

– За мной! Марш! – во всю глотку вскричал Гай, отдавая команду вверенному ему отряду начинать шествие.

Первый боевой легион знаменитой седьмой армии Рима начал покидать территорию своего каменного лагеря и уверенным маршем выходить на просторную мостовую, чтобы затем торжественно прошествовать на встречу с императором Сертором.

На солдатское шествие собрались посмотреть тысячи римлян. В этот яркий июльский день огромное количество простых горожан, рабов и радостной столичной черни выплеснулось на городские улицы Рима. Увидев марширующих стройным шагом колонны элитных солдат, счастливые горожане взметнули свои руки вверх в римском приветствии и радостно восклицали: «Ave Caesar!»^{1*}. Таким образом, они торжественно приветствовали Гая Марка, который в своих белых доспехах олицетворял престиж всего элитного легиона.

Он шел во главе колонны элитного легиона седьмой армии. Народ восторженно встречал наследника императорской власти и не переставал салютовать ему. На все почести, оказываемые ему гражданами, Гай Марк отвечал спокойной и непринужденной улыбкой, а иногда и слегка заметным кивком головы. Колонна вверенных ему солдат уверенным маршем приближалась к центральной площади Рима. Приближаясь к назначенному месту Гай Марк увидел, что площадь уже заполнена несколькими легионами солдат. Их каски, доспехи и металлическое оружие ярко отливались на солнечном свете. Гаю казалось, что площадь Траяна, коей и являлся центр Рима, также как и голубое небо над его головой, заполнена ярко светящим солнцем. Такой ослепительный эффект создавался благодаря отражению солнечных лучей от окованных в сплошную броню римских легионеров, заполонивших главную площадь столицы.

Легионы седьмой армии, стоявшие на площади, были выстроены здесь, чтобы выслушать напутственную и хвалебную речь императора Сертора. Конечно же, вместить весь воинский контингент на площадь Траяна было нельзя. Поэтому с незапамятных времен было принято перед началом военного похода собирать элитные подразделения армии в одном месте, чтобы самые лучшие солдаты могли услышать вдохновляющие слова римского императора перед войной, а затем восторженно разнести эти слова между своими собратьями по оружию.

---

¹ * Да здравствует царь (лат)

Вот и сегодня, тринадцатого июля три тысячи семьсот пятьдесят шестого года, когда римская армия была готова выступить в поход против нового врага Римской Империи, лучших солдат державы вновь собрали в центре Рима, чтобы они выслушали призыв божественного императора, уличезрели приношение жертвы богу войны – Марсу, а также торжественно прошли по улицам города в полном боевом одеянии. Это все было частью веками сложившихся римских традиций. А с каким восторгом волнующаяся толпа в такие дни смотрела на передвижение войск по городским улицам. Волнение и патриотический экстаз вызывал у римлян вид военных, грозно шагающих в металлической броне по красивым мощеным улицам Вечного Города. Чернь смотрела на солдатские шествия с удовлетворением. Она то и дело подбегала к марширующим колоннам и требовала от солдат принести как можно больше добычи и трофеев из покоренных земель, чтобы во время триумфа после войны император был как можно более щедр, а хлебные раздачи и уличные пирушки как можно более жирнее и сытнее. Женщины смотрели на уходящих из города на войну солдат с удивленными и жаждущими улыбками на лице. Многим из них хотелось чего-то большего в этой жизни. Какие-то необузданные и хаотичные желания, вечно терзающие женскую душу, рвались наружу и хотели немедленного удовлетворения, когда благородные римлянки с тоскою на своих лицах созерцали гордо марширующих мимо них солдат.

Знатные и благородные римские мужи во время прощального марша родной армии выходили на просторные балконы своих роскошных городских усадеб, и не спеша махали своими, обычно пухлыми, руками уходящим солдатам, давая тем понять, что они полностью разделяют военную политику императора и боготворят его храбрую армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.